

С. Ф. Ударцев

АНАРХИЗМ В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рец.: *Талеров П. И.* Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860–1920-е гг. СПб.: Институт иностранных языков, 2016. 460 с.

Ключевые слова: Российская империя, революционное движение, анархизм, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин.

Аннотация. Рецензируемая работа посвящена идеологии и политической практике классического анархизма в российском революционном движении.

DOI 10.31754/2409-6105-2018-2-188-197

Монография П. И. Талерова – результат его многолетнего изучения истории российского анархизма, его видных деятелей и идеологов. Автор широко известен в России и за ее пределами как исследователь, подготовивший и издавший в последние полтора десятилетия серию крупных фундаментальных работ, создающих источниковую основу для более углубленного и всестороннего исследования анархизма как неоднозначного социально-политического явления. К таким крупным предшествующим работам можно отнести: подготовленную им совместно с доктором исторических наук В. Д. Ермаковым наиболее полную на сегодня библиографию по анархизму, включающую 8 350 единиц литературы (с дополнениями – больше) и ряд ценных указателей (*Ермаков, Талеров 2007*); состав-

ленные и изданные им совместно с доктором политических наук А. А. Ширинянцем избранные труды М. А. Бакунина (*Бакунин 2010*) и П. А. Кропоткина (*Кропоткин 2010*) (с его обширными комментариями); составленные и изданные им антологии, посвященные осмыслению деятельности и творчества М. А. Бакунина (*М. А. Бакунин 2015*) и феномена анархизма (*Анархизм 2016*) в литературе. Как большой знаток истории анархизма и литературы о нем, П. И. Талеров, естественно, поставил себе крупные задачи по обобщению истории этого направления освободительного движения в России и его идеологии.

Феномен анархизма, и прежде всего движение анархизма, его идеи в различных сферах общественной жизни, его СМИ рассмотрены в работе многоаспектно. Сам автор признается, что книга «явилась плодом длительных исследований и долгих размышлений о смысле нашего бытия» (с. 9). Иначе и невозможно осмыс-

© Ударцев С. Ф., 2018

Ударцев Сергей Федорович – доктор юридических наук, профессор, Университет КАЗГЮУ им. М. С. Нарикбаева (г. Астана, Республика Казахстан); sudartsev@mail.ru

ливать явление, которое существует тысячелетия, при этом эволюционируя, развиваясь и приспосабливаясь к новым историческим условиям. Учитывая многогранность анархизма, его эволюцию, часто нетождественность идеологии анархизма его практике, маскировку под идеи анархизма порой лиц и групп, не имеющих к его идеям отношения, автор справедливо замечает, что «анархизм трудно определить однозначно и раз и навсегда» (с. 215).

Хотелось бы обратить внимание на фундаментальный характер идей и теорий, затрагиваемых в рецензируемой работе, связанных с государством, властью и собственностью, для эволюции общественного сознания.

Явление анархизма не менее двух с половиной тысяч лет инициирует и воспроизводит в общественном сознании определенные темы, теории, идеи, которые так или иначе воспроизводят и отражают определенные черты реальности. Критика анархизмом государственности демонстрирует не только заблуждения отдельных представителей этого типа сознания, но и вскрывает реальные проблемы в политике, политической жизни, в государстве, его формах и проявлениях, незащищенность и нарушение в различных ситуациях прав и свобод человека.

Государство, как и все социально-политические институты, — форма организации общественных сил и интересов, концентрации и перераспределения общественных ресурсов, средство ускорения или торможения определенных общественных про-

цессов и форм жизни, деятельность которого может быть наполнена разным содержанием и способна служить разным политическим целям. В истории государство творило мир и вело войны, защищало людей и уничтожало их в газовых камерах и крематориях концлагерей, организовывало здравоохранение и уничтожало людей в массовых репрессиях и огне атомных и иных бомбардировок. Однако в ходе исторического развития человечество создавало ряд механизмов и доктрин для сдерживания негативного потенциала государства, для ограничения возможности попадания государства в руки представителей зла, а также для стимулирования позитивного потенциала в деятельности государства и сближения этого института с силами добра. Однако до решения всех этих проблем еще очень далеко.

Как составная часть критического мышления разных периодов, анархическая критика, накапливая в общественном сознании определенный критический материал, проверяемый и фильтруемый из поколения в поколение, предупреждала о некоторых проблемах и опасностях бесконтрольной неограниченной власти и объективно содействовала ее эволюции в сторону более цивилизованных, гуманных форм, расширению защиты прав человека и гражданина.

Анархизм как система идей и определенной политической психологии подпитывается социально-экономическими, политическими, правовыми и культурными условиями жизни прежде всего неустойчивых социальных групп, носителей этих идей.

Этому сложному объекту исследования и посвящена работа П. И. Талерова. Несовершенство общества, по мнению автора, определяет то, что «нереально в ближайшей перспективе говорить об исчерпанности или банкротстве анархистских идей (даже при известной их несбыточности)...» (с. 11). Видимо, учитывая тысячелетия существования и эволюции этих идей, о полном их исчезновении нереально говорить и в более отдаленной перспективе. При этом автор обращает внимание и на то, что в России громадная территория страны, исторически затруднявшая государственное управление и контроль, издревле создавала объективные предпосылки для развития самоуправления и самодеятельности для отдаленных регионов (см. с. 11). Это же предопределяло необходимость более сильной власти и более жесткого политического режима для сохранения управляемости и защиты громадной территории. А это, в свою очередь, опять же подпитывало критическую политическую мысль и ее радикальные формы.

Автор обращает внимание на некоторые трудности исследования анархизма до 1917 г.: почти полное отсутствие делопроизводства (чтобы не создавать обязательных для исполнения документов, ограничивающих, по их мнению, свободный обмен суждениями, взглядами); первоначальная расплывчатость идей анархизма по разным оппозиционным течениям и их дальнейшая эволюция; гонения, конфискации тиражей изданий, цензура в условиях царской России; нередкое смешение идеологии анархизма

с анархистствующими, хулиганствующими лицами и группами; наличие двух постоянно пересекающихся потоков в российском анархизме — отечественного и эмигрантского; противоречия между мотивацией практических действий анархистов и анархической доктриной, что нередко создавало личностные коллизии в анархистском движении (с. 15–16). Подробно рассматриваются и трудности изучения, фальсификации, деформации восприятия критических идей в условиях тоталитарного государства и репрессий в отношении всех оппозиционных течений. При этом выделяются глубокие и творческие работы исследователей, в том числе в советский период, особенно критическое переосмысление истории революционного движения и анархизма в последнее десятилетие существования СССР. Что касается современных исследователей, автор справедливо отмечает, что, наряду с интересными, глубокими работами, нередко появляются поверхностные статьи и диссертации, свидетельствующие о незнакомстве их авторов с содержательной частью исследований предшественников, архивами, многими первоисточниками, не использующие специализированные научные справочные и обобщающие издания (см. с. 18–19). «Вместе с тем, — справедливо замечает П. И. Талеров, — изучение такого колоритного социально-политического и культурологического явления, каким является анархизм, в современной России должно быть не просто увлечением отдельных дилетантов и энтузиастов, а вполне *последовательной, систематизированной, напряженной* работой ученых

и научных коллективов разносторонней профессиональной специализации» (с. 20). Это необходимо не только потому, что без данного компонента не будет полной история освободительного движения и история мысли в России и в мире, но и потому, что «вопросы взаимоотношения государства и общества, социума и личности, власти и свободы, порядка и хаоса, которых так или иначе касаются анархистские теории, продолжают оставаться *актуальными*, создают известные трудности на пути развития цивилизации, и вряд ли есть легкие, простые и быстрые рецепты их перспективного решения» (с. 20). Автор отмечает в последнее время возрастание интереса к изучению феномена российского анархизма (с. 20–21).

Касаясь влияния анархизма на народническое движение в России, автор отмечает, что к причинам антиэтатизма первых народников можно отнести: национальные корни, влияние революционных западноевропейских стран, проникновение в Россию анархистских теорий Прудона, Штирнера и Бакунина, а также нарастание внутри страны социально-политического кризиса и недовольства половинчатыми и непоследовательными реформами российского самодержавия (с. 33).

Проследивая противодействие царского правительства распространению анархистских идей, П. И. Талеров отмечает, что в построении и эволюции цензуры, а также в отношениях власти и печатных изданий Россия во многом повторила с некоторым опоздани-

ем путь, пройденный европейскими странами: от ответственности цензора к ответственности издателя (к карательной цензуре) (с. 37, 49). При этом «правительство самодержавия, крайне чувствительное в отношении *экспрессивной* (оценочной) функции печати, было очень заинтересовано в позитивной оценке своей деятельности и потому, используя цензуру и другие способы подавления, пыталось наряду с устранением негативных оценок всячески преувеличивать свое положительное значение, создавая льготный режим лояльной прессе, учреждая официозную печать, прибегая к отдельным *инспирациям*» (с. 49).

В книге имеется содержательный очерк эволюции воззрений М. А. Бакунина. Автор отмечает ряд важных биографических моментов этой эволюции, подчеркивая позитивную роль знакомства с А. И. Герценом, а также «неизгладимый след» в судьбе революционера от конфликта в 1848 г. с К. Марксом в связи с публикацией тем ложного слуха о Бакунине как шпионе царского правительства (см. с. 56, 85).

На основании обширной библиографии воспоминаний о Бакунине, которую начинали составлять еще его биографы Н. М. Пирумова и В. И. Сысоев, продолженной автором книги и включающей около ста авторов воспоминаний, П. И. Талеров обращает внимание на некоторые малоизвестные или забытые страницы истории жизни великого бунтаря. Приводится много интересных и оригинальных суждений современников

об этой выдающейся личности. В частности, интересные воспоминания Н. Г. Чернышевского о создании и переписывании И. С. Тургеневым образа главного героя в романе «Рудин», который должен был воссоздать образ М. А. Бакунина — его друга юности (с. 107–108). Приводятся интересные высказывания первого президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика (см. с. 127–131), обратившего внимание, в частности, на важный компонент воззрений Бакунина — на убеждение, что ключ к общественным изменениям во многом лежит в общественном сознании, в общественном мнении и вере. Отсюда, чтобы изменить общество, в первую очередь необходимо изменить и разрушить институты, которые обеспечивают сохранение и воспроизводство конкретного общественного сознания, к которым в основном он относил государство и церковь.

Однако оказалось, что изменение сознания, закрепление измененного, его воспроизводство и развитие, а также трансляция на его основе вовне новых принципов и форм организации жизни и их поддержка убеждением в их необходимости и легитимности — наиболее тонкая и сложная сфера общественной жизни. Позднее, в теории постклассического анархизма А. А. Боровой более глубоко пытался объяснить эти процессы и механизмы, развивая психологическую теорию власти, интегрируя в теорию анархизма новейшие для начала XX в. психологические теории государства и права профессоров Л. И. Петражицкого и М. А. Рейснера.

Автор замечает, что «первое серьезное столкновение взглядов произошло у Бакунина с Марксом в оценке Парижской Коммуны» (с. 88) 1871 г. Действительно, идейный бой по поводу данного события имел существенное значение для развития воззрений обоих мыслителей и для окончательного их расхождения и раскола Интернационала. Было бы полезно также обратить внимание на более ранний эпизод идейного противоборства бакунистов и марксистов в период подготовки и проведения Базельского конгресса Интернационала (1869 г.), где произошло ожесточенное столкновение по вопросу о наследственном праве. Бакунин, который перевел к этому времени Манифест Коммунистической партии на русский язык, и его последователи видели в наследственном праве сохранение своего рода генетического кода частной собственности и выступили против него. К. Маркс и его сторонники, отошедшие к тому времени от идеи отмены наследственного права, были против его полной ликвидации, допуская определенное его регулирование и ограничение. Эта дискуссия фактически по вопросу о пределах ликвидации и сохранения в будущем обществе частной собственности обнаружила серьезную трещину в Интернационале, которая затем углубилась в период Парижской Коммуны 1871 г. и завершилась окончательным расколом на Гаагском конгрессе в 1872 г. Очевидно, приводимая в книге цитируемая Д. Гильомом переписка К. Маркса и Ф. Энгельса 1869 г. об их планах «обезвредить» Бакунина связана с указанными событиями (с. 88).

Интересные наблюдения сделаны П.И. Талеровым в результате текстологического анализа работ М.А. Бакунина: об элементах эмоциональности и образности его политических текстов, об «эволюции политических текстов философско-умозрительных, с логической аргументацией, к практическим эмоциональным, с мобилизующей риторикой, воздействующей на подсознание» (с. 146).

С этими выводами автора о политических текстах Бакунина нельзя не согласиться. Действительно, эта тенденция прослеживается в произведениях мыслителя и революционера и нарастает удельный вес в его творчестве практико-политических текстов. В то же время можно добавить, что в текстах крупных его философских произведений, рукописи которых относятся к концу 1860-х — началу 1870-х гг. и опубликованы почти столетие спустя, можно найти все основные особенности философских текстов. Но и они включают фрагменты критических, политически острых и точных суждений, основанных на новом уровне осмысления исторической практики и многогранном личном опыте мыслителя.

Обстоятельно исследуются в книге и воззрения другого классика российского и мирового анархизма крупного ученого-энциклопедиста П.А. Кропоткина. Заслуживает особого внимания суждение автора о том, что «центральная идея анархизма Кропоткина — отрицание насилия — явилась основным вкладом анархо-коммунизма в общественное развитие и культуру России» (с. 148).

Вместе с близким к идеям анархизма писателем Л.Н. Толстым П.А. Кропоткин много сделал для теоретического и нравственного обоснования и продвижения в общественном сознании идей и этики ненасилия, гуманизма. В идеи не только Л.Н. Толстого, но и П.А. Кропоткина, видимо, «прорастают» корни идей Махатмы Ганди — идеолога ненасильственного самоосвобождения Индии в конце 1940-х гг.

Автор рассматривает биографию, деятельность и основные идеи мыслителя, специально останавливается на заочной полемике его с главой Святейшего Синода (с. 167 и др.), на суждениях теоретика анархизма о роли сектантства в общественном движении (с. 181 и др.), о значении Кропоткина в российской культуре, о взглядах мыслителя на войну. При этом отмечается, что хотя Кропоткин признавал войну «величайшим злом» и предлагал всеми средствами против нее бороться, «но с учетом реально складывающейся геополитической ситуации». Мыслитель был против призывов «к поражению» своего народа, даже если в результате произойдет падение правительства и юридическое освобождение народа, «поскольку последующие жертвы и бедствия поставят под сомнение все возможные грядущие преобразования» (с. 195–196). Кропоткин выступал против агрессивных войн, допускал возможность освободительной войны, которая поможет освободить народ страны-агрессора и, сломав планы завоевателей, создаст предпосылки для дальнейшего умственного и социального развития народов (с. 196).

В ряде глав монографии (гл. 21, 22, 24) рассматриваются развитие анархической прессы, изменение содержания публикаций, условия, в которых происходила эта эволюция. Выделяются шесть периодов эволюции российской анархистской прессы: 1) зарождение анархистской прессы и начальный этап ее развития (1860-х гг. — до конца XIX в.); 2) период становления и кризисного развития до Февральской революции (начало XX в. — начало 1917 г.); 3) период активного развития, пик расцвета российской анархистской прессы с дальнейшим ее ограничением и запретом укрепившейся новой властью (1917 г. — начало 1920-х гг.); 4) нелегальный и эмигрантский период деятельности анархистской прессы в советский период (середина 1920-х — конец 1980-х гг.); 5) возрождение российской анархистской прессы в конце периода перестройки (конец 1980-х — 1991 г.); 6) новейший период анархической прессы в России, совпадающий с «периодом социально-экономических реформ в эпоху буржуазной реставрации» (с. 239).

Как большой знаток и издатель литературы по анархизму — и произведений самих анархистов (основных теоретиков, публицистов, практиков), и работ исследователей анархизма — П. И. Талеров представляет подробный обзор истории анархической прессы и работ о творческом наследии М. А. Бакунина (гл. 35) и П. А. Кропоткина (гл. 36) более чем за столетие. Вся обширная информация об исследованиях деятельности и творчества двух классиков анархизма в монографии представлена еще и в виде таблиц публикаций разных авторов по годам и основным

группам проблем (см. с. 399–410, 428–443). Эти разделы книги будут полезны не только современным исследователям, но и будущим, как своего рода авторский путеводитель, систематизация и обобщенный анализ обширной литературы по теме исследования, который будет значительно экономить время будущих ученых и содействовать более всесторонним их разработкам.

Автор отмечает в истории исследования темы работы, которым была свойственны дискредитация и опошление идей анархизма и их авторов, работы анархистов, для которых характерна определенная апологетика идей данного типа сознания, а также исследования истории движения и идеологии анархизма, которые прошли на протяжении столетия сложную и противоречивую эволюцию. «Более взвешенный подход, — пишет автор, — у исследователей постсоветского периода. Категоричность суждений уступает место более обдуманным оценкам, привлечению и анализу разносторонних, порой диаметрально противоположных, мнений, текст носит полемический характер. Тем самым достигается более глубокое *системное понимание* сложных социальных процессов с учетом конкретно-исторических условий, в которых создавались те или иные анархистские теории» (с. 308–309). В то же время, как отмечено выше, автор монографии достаточно дифференцированно подходит и к современным исследованиям разного уровня ценности.

Исследователь справедливо отмечает значительную роль работ док-

тора исторических наук Н. М. Пирумовой в переходе к объективному углубленному исследованию в 1970-х — начале 1990-х гг. роли российского анархизма в истории революции. Благодаря ее усилиям, при активном содействии доктора экономических наук Н. К. Фигуровской, академика АН СССР Л. И. Абалкина и некоторых других ученых, была создана в 1989 г. Кропоткинская комиссия при Институте экономики АН СССР (затем при Институте экономики АН РАН). Эта комиссия в конце перестройки и в первые годы постсоветского периода много сделала для поиска и исследования архивных материалов, проведения междисциплинарных международных научных конференций, объединения исследователей анархизма разных стран и специальностей.

Книга содержит много новых материалов и затрагивает немало неисследованных до работ автора вопросов. К таким новым материалам, обобщениям можно отнести, в частности, исследование вопросов о воспитании и образовании, культуре в работах теоретиков анархизма, об аграрном вопросе, о роли женщин, о педагогических воззрениях идеологов анархизма, об их взглядах на научно-технический прогресс, на науку и ее роль в обществе, изложение истории анархической прессы, обширные аналитические историографические обзоры.

В книге П. И. Талерова обобщены более чем двадцатилетние исследования автора, которые предварительно частично были отражены в его многочисленных публикациях по теме монографии. В конце книги

приведена избранная библиография опубликованных трудов ученого, некоторые из которых значительно дополняют материал, представленный в рецензируемой монографии, еще более расширяя и углубляя предмет исследования (с. 450–462).

По подсчетам автора монографии, начиная с советского периода истории науки в СССР и в постсоветских странах до 2012 г. различным аспектам исследования анархизма посвящены около 330 диссертаций (с. 415). Из них 79 диссертаций, по данным автора, непосредственно (в названии) или в значительной степени, хотя и были посвящены более широким темам, затрагивали воззрения или деятельность П. А. Кропоткина. Из этих 79 работ на соискание ученой степени кандидатов или докторов наук: по философским наукам — 32 (40,5%), включая 5 докторов наук; по историческим наукам — 27 (34,2%), из них 6 докторов наук; юридических — 7 (8,9%), из них 1 доктор наук; политических — 6 (7,6%), социологических — 4 (5,1%), культурологических, педагогических и экономических — по 1 (по 1, 3%) (см. с. 416). Кроме того, автор на основе доступной информации выявил еще 43 диссертационные работы зарубежных ученых (с. 416).

В заключении автор делает некоторые интересные выводы о современном состоянии анархистского движения, зарождении в нем крайне критического и скептического отношения части молодежи к классикам анархизма; об особенностях современных бунтарских и нигилистических настроений и распространенных в анархическом

движении традиционных идей и установок, ограничивающих его организационные возможности и поддерживающих определенную аморфность мышления; об актуальности «вопроса о *корректности* и *эффективности* использования творческого наследия классиков российского анархизма в новой конкретно-исторической обстановке» (с. 448–449).

В целом монография П. И. Талерова обобщает многолетние исследования автора, основана на огромном объеме исторического материала, научной литературе, затрагивает немало новых аспектов и подходов к изучению роли анархизма в истории российской революции начала XX в., содержит интересные наблюдения и выводы, будет полезной для исследователей истории освободительного движения в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анархизм 2016 — Анархизм: pro et contra, антология. Социально-полити-

ческое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных ученых-исследователей / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. [2-е изд., доп. и исправл.]. СПб.: РХГА (Русская христианская гуманитарная академия), 2016. 1144 с.

Бакунин 2010 — Бакунин М. А. Избранные труды / сост.: П. И. Талеров, А. А. Ширинянц; авт. вступ. ст.: А. А. Ширинянц, Ю. А. Матвеева, П. И. Талеров (с. 5–47); коммент., указ. имен П. И. Талеров (с. 697–814). М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 816 с.

Ермаков, Талеров 2007 — Ермаков В. Д., Талеров П. И. Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник. СПб.: Соларт, 2007. 724 с.

Кропоткин 2010 — Кропоткин П. А. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. (с. 5–50); П. И. Талеров, А. А. Ширинянц (с. 5–47); автор коммент. П. И. Талеров (с. 677–875). М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 896 с.

М. А. Бакунин 2015 — М. А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 1050 с.

ANARCHISM IN THE RUSSIAN REVOLUTION

Rev.: Talerov P. I. Klassicheskii anarkhizm v teorii i praktike rossiiskogo revoliutsionnogo dvizheniia. 1860–1920-e gg. St. Petersburg: Institut inostrannykh iazykov, 2016. 460 p.

Udartsev Sergey F. — doctor of law, professor, M. Narikbayev KAZGUU University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Key words: Russian Empire, revolutionary movement, anarchism, M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin.

Abstract. The study on the ideology and political practice of classical anarchism in Russian revolutionary movement is reviewed.

REFERENCES

Anarkhizm: pro et contra, antologïia. Sotsial'no-politicheskoe iavlenie glazami ego rossiiskikh storonnikov, kritikov i otechestvennykh uchenykh-issledovatelei, sost., vstup. stat'ia, komment. P.I. Talerova. [2-e izd., dop. i ispravl.]. St. Petersburg: RKhGA (Russkaia khristianskaia gumanitarniaia akademiia), 2016. 1144 p.

Bakunin M.A. *Izbrannye trudy*, sost.: P.I. Talerov, A.A. Shiriniants; avt. vstup. st.: A.A. Shiriniants, Iu.A. Matveeva, P.I. Talerov (p. 5–47); komment., ukaz. imen P.I. Talerov (p. 697–814). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 2010. 816 p.

Ermakov V.D., Talerov P.I. *Anarkhizm v istorii Rossii: ot istokov k sovremennosti*: bibliograficheskii slovar'-spravochnik. St. Petersburg: Solart, 2007. 724 p.

Kropotkin P.A. *Izbrannye trudy*, sost., avt. vstup. st. (p. 5–50): P.I. Talerov, A.A. Shiriniants (p. 5–47); avtor komment. P.I. Talerov (p. 677–875). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), 2010. 896 p.

M.A. Bakunin: pro et contra, antologïia. 2-e izd., ispr., sost., vstup. stat'ia, koment. P.I. Talerova. St. Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2015. 1050 s.